

«На сцене нужно хулиганить и удивлять... публику и самого себя»

В этом году традиционный весенний фестиваль «На родине Петра Ильича Чайковского» начался так, как не начинался уже многие годы: концертом артиста, определяющего собой целую эпоху в вокальном искусстве, певца, на спектакли и концертные программы с участием которого в считанные часы сметаются билеты в Милане, Риме, Лондоне, Вене, Нью-Йорке, музыканта исключительного в своем профессионализме, даровании и непохожести на кого бы то ни было, - Дмитрия Хворостовского.

Залучить его на единственный концерт в Ижевске было настолько сложно, что еще накануне фестиваля директор филармонии Алексей Фомин ошарашено говорил: «Мы до последнего не верили, что этот концерт состоится. Уже забронировали для него билеты на самолет и номер в гостинице, и все равно сомневались, что это вообще возможно: Хворостовский - в Ижевске». Этот маршрут и в самом деле несколько сюрреалистичен: после резонансного выступления в нью-йоркском «Карнеги-Холле», на пути в Австрию, где у него запланирован продолжительный ангажемент в Венской опере, Дмитрий Хворостовский ровно на сутки прилетел в Удмуртию.

«График плотный, это правда, - смеясь говорит он, - но меня купили названием фестиваля. Он посвящен Чайковскому, а Чайковский в моей личной и профессиональной судьбе имеет особое значение. Чайковский идет со мной – вернее, я иду с Чайковским всю мою жизнь с детства, с музыкальной школы, с самых первых моих осознанных музыкальных радостей. Я считаю, что мне и всем нам ближе, чем Чайковский, никого нет

– из русских композиторов. Когда в его адрес звучит критика в легковесности мелодий, во вторичности по отношению к итальянцам Беллини и Доницетти, меня это обижает и ранит, как всякая несправедливая критика. Именно Чайковский больше других отражает настоящую русскую душу, чувства, лиризм, поэзию, поэтику музыкального языка. Поэтому Чайковский для меня – самый любимый композитор. Петь его сочинения здесь, где он родился – наслаждение особого рода».

И это не вежливое лукавство опытного артиста. С той минуты, что Хворостовский появился на сцене – победительный, с подбородком, вздернутым от азарта творческой игры и ощущения собственной силы, с раздувающимися ноздрями, будто пританцовывающий от рвущейся из самых глубин его существа энергии, - каждая спетая песня, ария, романс были сбывающимся наслаждением. Хворостовский поет так, что становится очевидно: музыка и актерское существование на сцене могут быть самой большой радостью, доступной человеку. Последнюю ноту каждой мелодии, взятой его аккомпаниатором, блестящим пианистом Ивари Ильей, Дмитрий Хворостовский провожал счастливой улыбкой – то тихой и светлой, то сильной, раздвигающей скульптурного рисунка губы в разбойничье-веселом оскале.

Все первое отделение звучали романсы на музыку Чайковского, Рахманинова, Свиридова. Второе отделение оказалось оперным – «Евгений Онегин» Чайковского,

«Демон» Рубинштейна, «Тангейзер» Вагнера, «Риголетто» и «Отелло» Верди. Играв шекспировского Яго, он метался вокруг рояля, презрительно-надменно кривя брови и губы, едва не опрокидываясь навзничь под напором музыки и собственного пения. А в партии Онегина будто темнел лицом, и эта мощная, полная жизни фигура казалась выгоревшей изнутри.

Едва стало понятно, что концерт заканчивается, весь переполненный зал ДК «Аксион» в едином порыве встал и устроил громовую овацию.

***

- Кажется, нет ничего хуже для связок, чем холодный и влажный воздух ранней весны, которым вас встретил Ижевск. Вы хотя бы оберегаете горло?

- Да не особенно. У меня сейчас в Вене будет «Онегин» с Аней Нетребко. Я улечу из Ижевска сразу туда, и мы начнем репетиции. А там, я во всяком случае надеюсь, снега уже нет. Он мне надоел, очень!

- Дмитрий Александрович, ваши партии в оперных спектаклях – это не только очень серьезная вокальная, но и драматическая работа. Вы склонны приписывать успех работе крупных режиссеров, с которыми вам удалось поработать, или это ваша самостоятельная актерская работа над созданием образа?

- И моя, и режиссера. В каждой постановке, в которой я принимал участие, я учился как нужно делать, и как не нужно, это тоже важный опыт. Человек должен сам себя образовывать – постоянно, всю жизнь. Конечно, благо, когда в юности, в молодости рядом есть люди, которые помогают, подталкивают. А всю оставшееся время человек должен учиться сам, и это очень важная человеческая способность – учиться.

- Накануне вашего приезда организаторы говорили, что ведут переговоры о вашем возможном участии в спектакле «Евгений Онегин» нашего Театра оперы и балета в 2015 году, в год 175-летия со дня рождения Чайковского. Спев Онегина на крупнейших мировых сценах, рассматриваете ли вы такие предложения всерьез?

- Мне кажется, вот этот мой «Онегин» в Вене будет вообще последним для меня. Мне уже надоело его петь, я сейчас больше склоняюсь к характерным ролям. Хочется поиграть разных уродов, злодеев, мерзавцев. Вот это мне гораздо интереснее! Сколько можно играть надломленных благородных героев?!

- А чего еще хочется? Вернуться к барочной музыке, которую вы пели в начале карьеры?

- Барочную? Да я вроде как из нее уже вырос, хотя вот недавно в Нью-Йорке я пел часовую барочную программу. Но скорее для того, чтобы похулиганить и удивить – кого-то, но прежде всего самого себя. Барочная музыка требует техники легкого пения, нужно особенно виртуозно владеть голосом, чтобы исполнять все те мелкие нюансы, которыми эта музыка полна. И я, спев эту программу, доказал себе и другим, что я еще могу. Но исполнять такие программы постоянно... не знаю, смог бы я это делать, - и захотел ли бы. Меня и без барокко многое интересует. Скоро (в сентябре) я буду петь Яго в Вене. Часто думаю о «Демоне» Рубинштейна – эта опера редко ставится во всем мире, но под личные договоренности можно добиться, чтобы где-то в определенной точке мира, в каком-то оперном театре все-таки поставить «Демона». С Валерием Гергиевым мы говорим об этом постоянно на протяжении уже двадцати с лишним лет, - мне эта музыка и этот образ были интересны уже тогда. В результате Гергиев поставил «Демона» в своем театре, но я в нем не участвовал. А хочется это петь!

- Так вас же не застать в вашем невероятном графиком для участия в спектакле репертуарного театра.

- И это правда. У меня уже есть договоренности на 4, на 5 лет вперед. Более того, я считаю, что репертуарный оперный театр – это пережиток прошлого, который мог существовать при коммунизме, в социалистическом обществе. Он может быть и в драматическом театре, так как там специфика несколько другая. А опере нужен новый воздух, нужны новые явления, нужно постоянно менять локации, режиссеров, музыкантов, сценических партнеров. Этим человек, артист, певец больше обогащается, нежели исполняя пару-тройку партий много лет подряд. Репертуарный оперный театр – это не очень здоровая практика. Но, может быть, я ошибаюсь...

- Когда о вашем концерте только объявили, многие не верили, говорили, что это шутка к 1 апреля. А для вас День дурака – это обычный день, или индульгенция, чтобы безнаказанно разыгрывать партнеров на сцене?

- В этом году 1 апреля пришлось на дорогу: я летел в Ижевск. Но дата особой роли не играет, я шучу очень много и круглый год! Без шутки нельзя, конечно. Особенно люблю шутить на сцене, разыгрывать своих партнеров в самые непредсказуемые моменты спектакля. Я их «раскалываю», и когда они не выдерживают и прыскают, мне очень приятно! Это помогает и мне, и им. Хотя... не знаю, насколько от моих шуточек хорошо им. Но мне это точно помогает накрутить живую энергию на сцене.

- Уже больше 20 лет о вас говорят только в превосходных степенях. Как в этой атмосфере всеобщего обожания сохранить здоровую самокритичность?

- Вы знаете, у меня нездоровая самокритичность, тут и сохранять ничего не надо. Я болезненно самокритичен, я критикую себя сам – так жестко, как никогда не сможет ни один критик. Потому что я прекрасно знаком со своими недостатками. Только я вам о них не скажу!

В заключении беседы Дмитрий Хворостовский вернулся к разговору о фестивале Чайковского:

- Это великолепная практика - сохранять подобный фестиваль свыше 50 лет. Но я очень хотел бы, чтобы впредь этот фестиваль проводился достойно, на более подготовленных площадках. Чтобы они хотя бы минимально соответствовали заявленному уровню фестиваля, чтобы не было таких нонсенсов, как этот инструмент. Если нет на данный момент возможностей сконструировать и построить здание, где проводятся концерты фестиваля, то на первых порах хотя бы обеспечить музыкантов достойными инструментами. Потому что это даже не концертный рояль, это комнатный инструмент...(первый из обещанных республикой новых роялей должен появиться в Ижевске только к концу этого года – *Прим. Авт.*). Вообще, мне кажется, фестиваль Чайковского должен быть не республиканского, а федерального масштаба. Это же все-таки Чайковский!

Разговор прервался: администратор торопил Хворостовского, поскольку всего через несколько часов ему нужно было улетать. Виногато пожимая плечами, будто извиняясь, что приходится бежать в этом творческом марафоне дальше, он снова улыбнулся: «До свидания! Нет, - до встречи!».

Фото Сергея "Финиста" Рогозина и сайта Udm-info

Источник: ЖЖ